

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
об основных результатах научно-квалификационной работы (диссертации)
тема «Грамматические средства выражения диалогичности в произведениях К.В.
Скворцова»

Направление подготовки 45.06.01 – Языкознание и литературоведение
код, направление

Направленность программы

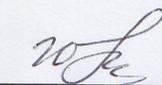
«Русский язык»

Аспирант _____

(подпись)

Нетесов В.О.

Научный руководитель _____

(подпись)

Казачук И.Г.

Челябинск

год

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время диалог становится важной частью коммуникации и культуры. Именно он является основной составляющей общественной жизни и личного утверждения. Теория диалога актуальна для ряда наук: лингвистики, лингвокультурологии, философии, психологии, педагогики и др. Концепция диалогического общения возвращает нас к философским истокам – диалогам древнегреческого философа Сократа, который был родоначальником майевтического общения в споре, когда оппонент сам находил истину, будучи инициированным проблемным вопросом или ситуацией. Слушатель (участник) диалога не просто воспринимал смысл сказанного или прочитанного – он был активным соавтором в диалоге, что способствовало поиску истины и развитию личности.

Современный текст – это продукт дискурса. Он имеет многоярусную сложную структуру, но суть сегодняшних особенностей восприятия текста – это открытость и очевидная возможность интерпретации текстового содержания. Изменяется статус автора – он утрачивает безусловный доминантный авторитет, не стремится дать ответы на вопросы духовной жизни – он оставляет это право читателю.

Вышеперечисленное свидетельствует о появлении новых особенностей диалогичности, взаимоотношений «автор-читатель» в текстах художественной литературы. Наше исследование обусловлено необходимостью выявления новых особенностей выражения текстовой диалогичности.

Объект исследования – текст художественного произведения как продукт дискурса.

Предмет исследования – текстовая категория диалогичности и ее изменения в современном тексте.

Методы исследования:

- Системный
- Лингвистического наблюдения

- Анализа лексических единиц и средств художественной образности
- Анализа речевоздействующих средств и их языковой репрезентации
- Выборки высказываний
- Интерпретационный
- Контекстный

Цель исследования – выявление грамматических средств, используемых в творчестве К.В. Скворцова

Задачи:

- Анализ и систематизация исследований по теме;
- Расширение понятия «диалогичность»;
- Исследование понятий «интерпретация», «воздействие» текста;
- Выборка и анализ высказываний в рамках диалога и коммуникации «автор-читатель»;
- Определение особенностей современной диалогичности.

В настоящем исследовании предлагается связать три важнейших концепции анализа текста: первая – теория диалога, вторая – теория интерпретации, третья – теория речевого воздействия. Изложим последовательно основные концептуальные положения вышеназванных теорий.

КОНСТАТИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ

§1 Теория диалога как основа восприятия и понимания художественного текста. Текстовая категория диалогичности.

В лингвистике утвердилась классическая модель коммуникации Р.О. Якобсона, согласно которой в акте участвуют адресант и адресат. Сообщение, созданное с помощью кода (в данном случае – речи) и включенное в контекст (соотносимый с дискурсом) передаётся от первого ко второму. В процессе становления науки распространяются идеи философии диалогизма, развитые М.М. Бахтиным, доказавшим, что необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, адресованность и что смысл сообщения находится в зависимости от контекста, т.е. от конкретного времени и места (хронотоп). Ученый понимал под диалогичностью открытость сознания и поведения человека в окружающей реальности, его готовность к общению «на равных», дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия. Диалогические отношения означают возникновение новых смыслов, которые «не остаются стабильными (раз и навсегда завершенными)» и «всегда будут меняться (обновляясь)». Участники диалога должны стремиться «добраться до творческого ядра личности». Высказывания (сообщения) направлены на другое сознание и провоцируют активность слушателя.

Одна из основных теорий, на которых основано данное исследование, это теория диалога.

«Диалог человека с человеком является в высшей степени важным социологическим документом» [6]. Диалог подразумевается как истинное существование человека, жизнь «в первичной форме». Во время диалога утрачивают свою значимость любые социальные и классовые определения; доминантной становится лишь личность и ее особенности. *Диалогизованное самосознание в каждом моменте повёрнуто вовне, напряжённно обращается*

к себе, к другому, к третьему. Человек – субъект обращения, о нём нельзя говорить, можно лишь обращаться к нему. Диалог — не преддверие к действию, а само действие. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Один голос ничего не кончает и не разрешает. Два голоса – минимум бытия. [6]

В работе «Проблемы речевых жанров» М. М. Бахтин высказывает и доказывает важность концепции слушателя. Она является обязательной деталью каждого речевого жанра, и у каждого речевого жанра эта концепция имеет свою специфику. Разделив речевые жанры на первичные (сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения) и вторичные (романы, драмы, научные исследования и т.п.), Бахтин предположил, что вторичные жанры постепенно диалогизируются, перенимая этот признак у разговорных (первичных) жанров. Концепция слушающего является необходимой составляющей каждого жанра и у каждого жанра она своя. М. М. Бахтин приводит дифференциацию активно-ответного понимания: реализованное в действие понимание и активно-ответное понимание замедленного действия. М. М. Бахтин описывает данные разновидности следующим образом: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной) (...) активно-ответное понимание услышанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие (выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды), может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием (некоторые речевые жанры только на такое понимание и рассчитаны, например лирические жанры), но это, так сказать, ответное понимание замедленного действия: рано или поздно услышанное и активно понятое откликается в последующих речах или в поведении слышавшего. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны именно на активно-ответное понимание замедленного действия»[7]. Высказывание ориентируется не только на предшествующие ему

высказывания, но и строится с учётом возможных ответных реакций. Теория активно-ответного понимания приводит М. М. Бахтина к выводу об амбивалентности говорящего: говорящий является не только говорящим, но и одновременно отвечающим на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории; более того, он является одновременно и слушающим, так как его установка на то, чтобы быть активно-понятым требует от него учёта форм языкового самоопределения слушающего, он строит речь, используя известные, понятные, излюбленные слова слушающего. В работе Т. Г. Винокур развиваются данные утверждения М. М. Бахтина: амбивалентность говорящего понимается как наличие у каждого высказывания двух говорящих — собственно говорящего и слушающего, так как говорящий получит активно-ответное понимание только в том случае, если будет говорить словами слушающего.

В работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» М. М. Бахтин, развивая понятие диалогичности, демонстрирует различие гуманитарных мыслей и мыслей о природе естественных дисциплин и делает вывод о двуплановости, двусубъектности гуманитарного мышления. «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, выражениях, знаках (...)» [8]. Развивая мысль об активном понимании чужого высказывания, М. М. Бахтин прибегает к сравнению объяснения и понимания: «Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т. е. другой субъект. При объяснении — только одно сознание, один субъект; при понимании — два сознания, два субъекта». М. М. Бахтин выделяет в каждом тексте две составляющих: воспроизводимую систему языка и что-то неповторимое, индивидуальное. Неповторимое, индивидуальное — это то в нём, «что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории». Каждое новое воспроизведение текста — это, по М. М. Бахтину, новое событие в его жизни, поскольку каждый раз к нему выражается новое, индивидуальное отношение.

Ещё один аспект диалогичности выдвигается М. М. Бахтиным в связи с языком реалистической прозы. В повествовании прозаического произведения имеет место нарочитое столкновение разных стилей, которое всегда диалогично, истина об изображаемом фрагменте действительности находится именно в этом диалоге. «Автор литературного произведения (романа) создаёт единое и целое речевое произведение (высказывание). Но он создаёт его из разнородных, как бы чужих высказываний. И даже прямая авторская речь осознанных чужих слов. Непрямое говорение, отношение к своему языку как одному из возможных языков (а не единственно возможному и безусловному языку)».

В своих работах М. М. Бахтин выделяет два основных типа писательского отношения своему к персонажу: овеществление персонажа, при котором отсутствует диалогическое отношение к нему, и субъектность персонажей, при которой отношение к персонажу является диалогическим.

В работе «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтин вводит понятие внутреннего человека. Основной характеристикой этого внутреннего человека становится его свобода. «Человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности». М. М. Бахтин является сторонником незавершённости человека, подтверждение этой позиции можно найти в разных работах. Поэтому писатель-гуманист не овеществляет персонажа, не завершает его. Поскольку индивид пребывает в окружении множества других людей, то его сокровенное упование состоит в том, чтобы непосредственно раскрыться перед этими «другими»: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в неё, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя». Драматизм ситуации состоит в том, что сознание другого обладает овеществляющей силой и властью, против которой протестует самосознающая свобода человека. Тогда как другой стремится завершить и овнешнить моего внутреннего человека, этот человек всячески бунтует против такого овнешнения: «Пока человек жив, он живёт тем, что ещё не завершён и ещё не сказал своего последнего слова».

В работе «Проблемы текста» М. М. Бахтин вводит понятие надресата. «Автор никогда не может отдать всего себя и всё своё речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайšie потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях. Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнёрами)». Надресат связан с незавершённостью внутреннего человека, его существование ею обусловлено. Таким образом, диалог обуславливает связь автора и читателя; восприятие и понимание произведения сопряжено с диалогом- с автором, героями, культурным контекстом, временем. Следует определить, что диалог такого рода чаще всего связан с внутренней речью, которая имеет свойство к экстерииоризации. В процессе такого понимания текста происходит развитие и изменение личности адресата.

Именно диалог сопряжён с восприятием и последующей интерпретацией произведения.

Термин "интертекстуальность" возник позже, его предложила в 1967 году филолог-постструктуралист Ю. Кристева в работе "Бахтин, слово, диалог и роман". Опираясь на концепцию диалогичности и чужого слова М.М. Бахтина, но и полемизируя с ней, Кристева считает, что "любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности встает понятие интертекстуальности..." [47]. Ю. Кристева утверждает имманентность диалогизма глубинным структурам дискурса, полагая его принципом любого высказывания (в том числе и на уровне бахтинского предметного слова, которое "не знает" о влиянии на него чужих слов) (77, 107). Таким образом, включение текстов, известных читателю, тоже является фактором развития и интенсификации диалога, то

есть одновременно мощным средством воздействия на читателя и углубления его внимания к произведению.

Диалогичность мы будем рассматривать как одну из основных текстовых категорий.

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ — одна из разновидностей текстовых категорий, представляющих собой систему разноуровневых языковых средств (в том числе текстовых), объединенных на текстовой плоскости общей функцией выражения диалогичности; структурируется по принципу организации поля (от центра к периферии) [].

Обязательным условием для рассмотрения диалогичности как функциональной текстовой категории является то, что различные смысловые позиции находят выражение и взаимодействуют не только на уровне текста, в его семантической структуре, в отличительном стиле, но и посредством сочетания различных, повторяющихся в конкретных контекстных условиях, языковых средств различных уровней — лексических, морфологических, синтаксических.

Для художественного (и публицистического) стиля диалогичность выступает как одна из наиболее существенных текстовых категорий. Её можно рассматривать и как текстовое свойство, и как одну из стилевых текстовых категорий.

Для определения диалогичности в тексте М.Н. Кожина предлагает использовать такой термин, как «маркеры диалогичности», имея в виду весь круг средств, способствующих выражению диалогичности.

М.Н. Кожина в своём стилистическом словаре выделяет следующие функции средств выражения диалогичности:

- репрезентация чужой речи;
- указания на характер взаимодействия смысловых позиций;
- экспликация автокоммуникации;
- императивность.

Репрезентация смысловых позиций «третьих» лиц выражаются соответствующими средствами: цитацией, косвенной речью, ссылками, сносками, а также вводными словами и словосочетаниями, и вводными предложениями, указывающими на источник информации. Для отсылки к источникам используются имена собственные, и другие лексемы соответствующей семантики (точка зрения, мысль, идея; многие, большинство, представители школы, читатель и т.д.). Однако, в случае, если источник не ясен, или же высказывание, приводимое в тексте, имеет широкий круг использования, представляет собой афоризм, используются лексемы с семантикой обобщения, неопределённости (говорят, как известно, и т.п.). Смысловые позиции «третьих» лиц вводятся в текст, как правило, личными и неопределенно-личными предложениями.

Отношения противопоставления между смысловыми позициями эксплицируют вводные слова напротив, наоборот, однако и др., а также противительные союзы; отрицательные конструкции, отрицательно-оценочные лексемы. На согласие с представленной смысловой позицией, или её подтверждение указывают вводные слова имеющие, соответственно, семантику согласия и подтверждения (конечно, разумеется, бесспорно, действительно и др.); предлоги (в соответствии с, согласно); оценочная лексика (верно, справедливо и т.п.). Альтернативность позиций выражается разделительными союзами. При выражении коррекции чужой смысловой позиции сначала автор указывает на ту часть, с которой согласен, используя различные языковые средства с семантикой согласия или предположения (как правило, этому служат вводные слова и конструкции: конечно, разумеется, бесспорно, возможно и др.) а затем указывает на другую часть утверждения, с которой не согласен, для этого использует противопоставительные средства выражения.

Автокоммуникацию (автодиалогичность) можно обнаружить в вопросно-ответных комплексах, в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия.

Конструкции, имеющие в своем составе модальную лексику, сочетающуюся с инфинитивом, способны активизировать читательское мышление, запустить процесс интерпретации высказывания. При этом, использование указанных конструкций создаёт в речи модальность убежденности, благодаря такой стратегии читатель верит в истинность представленной смысловой позиции. Такого типа конструкции способны предупредить возможные сомнения, которые могут возникнуть у читателя.

Такие языковые средства, как вводные слова и словосочетания, репрезентирующие уверенность в различных её проявлениях, организующие порядок следования мыслей, вставные конструкции разных функционально-семантических групп, восклицательные предложения, способствуют наиболее выразительной передаче смысловых позиций участников общения. Например, четкое, гармоничное представление смысловых позиций в научном тексте организуется с помощью вводных слов, словосочетаний и предложений, которые передают порядок изложения мыслей, их логику, а также обобщение, действующее как вывод, репрезентирующее комплекс позиций описанного текстового фрагмента: с другой стороны, с одной стороны, во-первых, во-вторых, итак, таким образом, как указывалось выше, и т.д. Благодаря чёткой и логичной организации собственной речи, автор способен контролировать ход собственной мысли «со стороны своего объективированного «я», а также способен учитывать и предугадывать восприятие адресата. Поэтапно организуя аргументацию, адресант способен доказывать правильность своей смысловой позиции, расставляя наиболее важные акценты для читателя. Вводные предложения, которые обозначают логические взаимосвязи с представленной выше информацией или с последующим ходом изложения мыслей, а также акцентирующие частицы почти напрямую обращены к читателю и важны для организации восприятия текста. Наиболее явное выражение категории диалогичности можно проследить на синтаксическом уровне. Синтаксические средства помогают автору проблемно эксплицировать свою позицию в споре с оппонентами, в

согласии с единомышленниками; отстаивать своё решение проблем, передавать процесс размышления при поиске ответов на интересующие вопросы.

Представленный анализ средств оформления диалогичности в научном тексте демонстрирует наличие первого категориального признака категории диалогичности — системы разноуровневых языковых средств. Однако для данной категории характерно распределение средств на центральные, составляющие ядро поля диалогичности, и периферийные. В ряду «маркеров диалогичности» отчетливо выделяются две большие группы. В первую группу включаются те маркеры, которые в наиболее яркой и непосредственной степени актуализируют диалогичность, имитируют диалог, т.е. «передают «стимул» или «реакцию» в циклах», указывают на характер взаимоотношений между смысловыми позициями, т.е. используемые в комплексе, они организуют весь цикл выражения диалогичности в письменном тексте. Во второй группе рассматриваются средства, направленные на активизацию внимания и мыслительного процесса адресата. Эти средства способны репрезентировать диалогичность только в связке со средствами из первой группы.

Учитывая данные употребления маркеров диалогичности, в центре находятся средства репрезентации плана речи «третьих» лиц: прямая и косвенная речь, цитация; вводные слова, словосочетания и предложения, (способные передать источник сообщения), ссылки, сноски. Описанные выше средства обладают полнотой выражения диалогических отношений участников коммуникации, имитируют диалогические формы. При этом данные средства часто употребляются в публицистических и художественных текстах. В публицистическом и художественном дискурсе также являются частотными вопросно-ответные комплексы. Их безусловная значимость в формировании диалогичности обуславливает отнесение их к центральному. В эту же, центральную, группу относятся и другие средства, которые способствуют организации коммуникативного акта. Одними из

самых значимых являются такие синтаксические средства, как конструкции с семантикой императивности, вводные слова и словосочетания с семантикой согласия, отрицательные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным условия.

В периферийную группу входят средства, не выполняющие организующей функции в коммуникативных актах, они не стимулируют реакцию адресат; а также средства, имеющие низкую частотность употребления, следовательно, не играющие особой роли для репрезентации категории диалогичности. Сюда входят такие синтаксические средства, как вставные конструкции коммуникативно-информационного характера, вводные слова и словосочетания, вводные предложения, подчеркивающие логику изложения, восклицательные предложения. Морфологические средства, относящиеся к периферийной группе: акцентирующие частицы, указательные наречия, местоимения. Лексические средства, относящиеся к периферии: лексемы с семантикой оценки.

Категория диалогичности имеет не только ядерно-периферийную структуру средств выражения, имеет место и внутреннее деление как центра, так и периферии. Опираясь на описанные выше функции, в организации полей категории диалогичности можно обозначить следующие микрополя микрополя:

- репрезентация чужой речи;
- взаимодействие смысловых позиций;
- автокоммуникация;
- императивность.

Средства выражения диалогичности многофункциональны, поэтому названные микрополя могут пересекаться и частично совмещаться.

В публицистических текстах категорию диалогичности формируют различные экстралингвистические факторы. Особые цели и задачи общения, преследуемые публицистическим текстом, играют важную роль: публицистическому тексту необходимо реализовать воздействующую и

убеждающую функцию, необходимо направлять читателя, путём проведения авторских позиций и идейных установок. Поэтому в публицистике важно учитывать персону адресата при текстопорождающей деятельности. Современные издания успешно взаимодействуют с фокусной группой читательской аудитории, они учитывают возможности восприятия и понимания, а также социальный статус, культурный и образовательный уровень читателей и многое другое.

Аргументируя собственную смысловую позицию, журналист демонстрирует адресату логику своих мыслей, процесс поиска решений, рефлексию. Среди экстралингвистических факторов, которые обуславливают проявления категории диалогичности в публицистическом тексте, выступает полная эмоциональности диалогичность мышления. Оценка журналистом чужих взглядов в текстах публицистического стиля приобретает довольно резкий тон, который часто принимает формат разоблачения.

В газетно-публицистической речи категория диалогичности выражается, как правило, в четырех основных формах, которые претерпевают изменения в соответствии с задачами газетной речи и ее функциональными особенностями. Наибольшее значение в публицистическом стиле имеет текстовое выражение сообщения о событиях и аргументация авторской оценки описываемого события, которая всегда осуществляется с учетом реакции предполагаемого читателя на совершаемое воздействие. Таким образом, категория диалогичности является основополагающей для публицистического стиля речи, и отражает его специфику.

В публицистической сфере организующими диалог являются следующие маркеры:

Синтаксические: побудительные и вопросительные предложения; средства репрезентации чужого плана речи; вопросно-ответные комплексы; обращения; конструкции устной диалогической речи (конструкции со словом-предложением да, нет, конструкции с частицами ну, да и, что ж, и

междометиями; вопросы, имитирующие переспросы; вводные слова, представляющие собой апелляцию к читателю); вводные слова с семантикой и модальностью согласия;

Морфологические: местоимения и глаголы в формах 1 и 2 л. ед. и мн. ч.; союзы и слова с противительным значением (а, но, однако, же, вместе с тем, все же, наоборот, напротив, тем не менее), организующие противопоставленность смысловых позиций; союзы противительно-отрицательные (не..., а...; не..., но, а; не..., но); градационно-сопоставительные (не только... но и, как... так и, не столько... сколько), формирующие верификативные высказывания со значением корректирования; сочинительно-разделительные союзы (или, ли), показывающие альтернативные смысловые позиции;

Лексические: лексемы, с семантикой сомнения, семантикой содержащей оценки чужой позиции, лексема «читатель», лексемы речи, мысли, чувств, помогающие ввести чужую речь.

Помимо того что названные средства выполняют организующую функцию в коммуникативных актах, они также продуктивны и в газетных текстах.

Периферийными средствами являются такие, которые не формируют реакции или стимуляции реплики, и являются низкочастотным. Сюда мы относим следующие средства:

- синтаксические: риторические и восклицательные предложения, вставные конструкции, вводные слова и предложения, организующие порядок изложения, пояснительные и разъяснительные высказывания; разнообразные фигуры речи
- морфологические: наречия меры и степени, акцентирующие частицы, элативы;
- лексические: стилистически окрашенные лексемы, тропы, оценочные, лексемы с семантикой эмоционального состояния.

Данные средства помогают экспрессивно осуществить воздействие, создать фасцинирующий эффект, необходимую тональность высказывания,

отметить наиболее важную мысль в смысловой позиции того или иного участника коммуникации.

Если М.Н. Кожина рассматривает категорию текстовой диалогичности на основе научного и публицистического текста, Н.С. Болотнова более полно описывает эту категорию уже применительно к художественному тексту.

Структура текста, его семантика и прагматика подчинены выражению авторской интенции [10]. Категория диалогичности в глобальном смысле реализуется в категориях субъектности и адресованности, которые связаны с образами автора и адресата. Автор определяет важность этих категорий в рамках деятельностного подхода к тексту, поскольку за каждым текстом стоят автор и адресат, именно они определяют структуру, семантику и прагматику текста; они же являются ключевыми компонентами единой коммуникационной модели, диалектически сопрягаются, функционально и коммуникативно «взаимопроникаемы». По словам Т. Г. Винокур, говорящий всегда является первым приёмным пунктом собственных коммуникативных усилий.

Н. С. Болотнова рассматривает образ автора и адресата как ключевые текстообразующие категории:

Образ автора это:

- одно из проявлений глобальной категории субъектности, выражающей творческое, созидательное начало в разных видах деятельности, включая речевую;
- основная категория текстообразования, наряду с образом адресата формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования;
- художественная категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения;
- образ творца, создателя художественного текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности [10].

Диалогическая концепция М. М. Бахтина заложила фундамент изучения фигуры автора не только в коммуникативно-деятельностном аспекте, но и с точки зрения адресованности.

Образ адресата это:

- категория текстообразования, пронизывающая весь текст в силу его коммуникативной природы, определяющая его структуру, семантику, прагматику;
- художественный образ персонажа адресата;
- собирательный образ адресата (в поэзии это обычно современник автора или его потомок);
- реальное лицо, к которому автор адресует свою речь [10].

К средствам выражения образа адресата относятся прямые обращения, посвящения, лирические отступления, ориентированные на читателя. К ним же относятся конструкции с местоимениями *ты, вы, твой, ваш* и др.; использование фамилий и имён. Часто образ адресата выступает обобщённым, выражается он использованием обобщённо-личных конструкций.

«Хочешь добиться любви — забудь свою личность, лишись памяти, стань тем, кто нравится другим» [9].

«Остерегайтесь людей, обремененных многочисленными дипломами: по статистике, это самые большие лентяи» [10].

В художественном тексте, – по словам Н.С. Болотновой, – возможна и автокоммуникация: она представляет собой форму обращения субъекта (автора) к самому себе.

Вот бы *мне* кто-нибудь сказал, чего я хочу [11].

По-моему, мне надо перестать думать. Я долго думал, прежде чем пришел к этому заключению. [10]

Категория диалогичности в современном художественном дискурсе реализуется с помощью различных речевых средств. Опираясь на языковые маркеры диалогичности, представленные в стилистическом словаре под

редакцией М. Н. Кожиной, и на теорию диалогичности в рамках художественного дискурса, предлагаемую Н. С. Болотновой, мы постарались совместить представленные теории и взгляды, чтобы понять, какие особенности имеет диалогичность в современном художественном дискурсе. В процессе анализа публицистических произведений, нами был выделен ряд языковых средств и текстовых категорий, которыми пользуется современный автор, организуя диалог в своём произведении. Диалогические отношения между автором и читателем развиваются в рамках следующей схемы (Рис. 1)

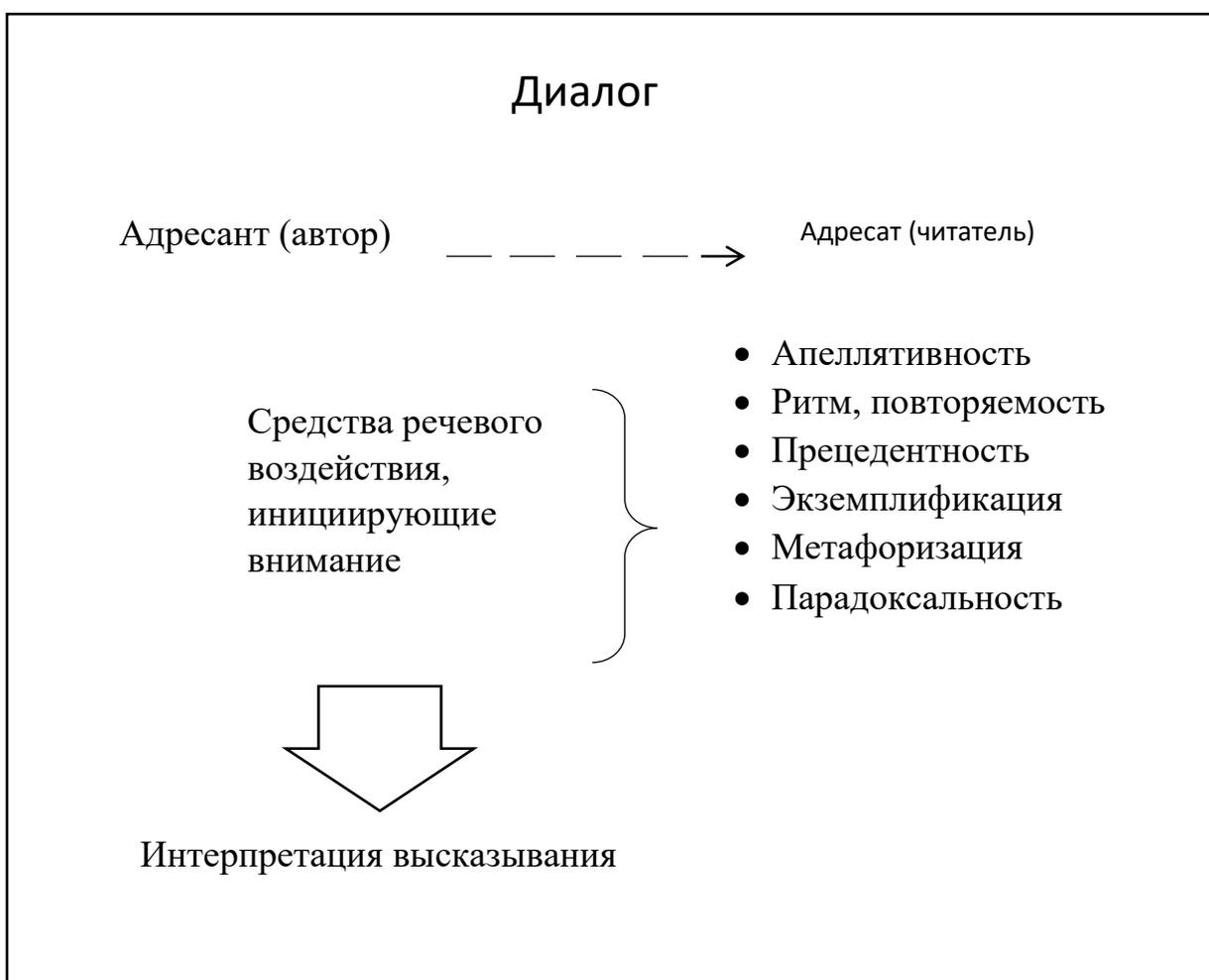

Рисунок 1

§1 Позиция адресата, как необходимая часть текстовой категории диалогичности.

Как обозначалось ранее, диалог – двусубъектное коммуникативное явление, следовательно не может рассматриваться без потенциального участия собеседника (даже если высказывание направлено на адресанта)

И.П. Святогор отмечает, что реплика в диалогическом единстве «имеет двухстороннюю коммуникативную направленность – на предшествующую речь или ситуацию речи и на вызов нового высказывания собеседника [Святогор, с. 6.]

Т.Г. Винокур, в свою очередь, также утверждает, что вторая реплика является реакцией на предшествующее ей высказывание другого участника диалогического единства. [Винокур, с.23]. В контексте творчества К.В. Скворцова фигура адресата вместе с возможными её репликами и реакциями будет лишь подразумеваться.

М.Н. Кожина рассматривает категорию диалогичности на примере письменного текста научного и газетно-публицистического стиля. Диалогичность, в данном случае, рассматривается как фундаментальное свойство любой речи. Через диалогичность речи реализуется коммуникативная функция языка. [Кожина, с. 130.]

Конкретизируя структуру поля функциональной семантико-стилистической категории диалогичности, ученые отмечают совмещение и пересечение четырех микрополей в рамках общего поля: 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц; 2) взаимодействия смысловых позиций; 3) автодиалогичности; 4) побуждения [Дускаева, 2003, с. 134]. М.Н. Кожина выделяет маркеры диалогичности и разделяет их на ядерные, закономерно обладающие функцией экспликации диалогичности в тексте (вводные слова; словосочетания и предложения, передающие источник сообщения, выражающие согласие/несогласие; прямую и косвенную речь; ссылки, сноски; конструкции побудительного характера, отрицательные

конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным условия), и периферийные, т.е. выступающие в данной роли в исключительных случаях (вставные конструкции коммуникативно информационного характера, вводные слова и предложения, подчеркивающие логику изложения; восклицательные предложения, а также акцентирующие частицы, указательные наречия и местоимения; лексемы, передающие оценку).

По утверждениям многих исследователей любой текст имеет коммуникативную природу. Отталкиваясь от этого мы обратим особое внимание на маркеры диалогичности обозначающие образ автора и образ адресата.

Концепция образа автора разрабатывалась В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, Б.М. Эйхенбаумом. Исследование данной концепции в тексте привело к четырём основным трактовкам понятия:

- 1) проявление категории субъектности, выражающей творческое начало в разных видах деятельности (включая речевую);
- 2) основная текстообразующая категория, формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы построения текста;
- 3) художественная категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения;
- 4) образ творца, создателя художественного текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности. [Болотнова, 166].

Нас же будет более интересовать концепция адресата, богато представленная в прозе К.В. Скворцова. Особая значимость образа адресата многократно отмечалась учёными (А.А. Потебнёй, А.П. Якубинским, Л.В. Щербой и др.), однако сегодня проблема остаётся актуальной в связи с разработкой коммуникативного подхода в изучении текста. Образ адресата сегодня трактуется как

1) категория текстообразования, пронизывающая весь текст в силу его коммуникативной природы, определяющая его структуру, семантику, прагматику;

2) художественный образ персонажа-адресата;

3) собирательный образ адресата (в поэзии это обычно современник автора или его потомок);

4) реальное лицо, к которому автор адресует свою речь. [Болотнова, 168].

В системе прозаического творчества К.В. Скворцова иллюстративным материалом послужит сборник рассказов «Иное время» изданный в 2012 г. В рассказах этого сборника образ адресата позволяет организовать текст, часто в форме прямого диалога. Это служит отправной точкой для авторских рассуждений, основанных на событиях жизни самого автора. Так, в рассказе «Чугунные лягушки» сразу обозначается коммуникативная ситуация, которая рождает весь текст: «На встрече с читателями меня спросили: – Как случилось, что вы стали писателем?». Перед нами коммуникация в системе автор (адресант) – читатель (адресат). Образ адресата в данном случае является полноценным участником акта, вопрос которого и реализует дальнейшие авторские рассуждения. Таким образом текст строится в диалоговой вопросно-ответной форме. Безусловно, активному и искренне заинтересованному слушателю принадлежит важнейшая роль в создании кооперативной коммуникации. Он сигнализирует собеседнику об успешности или неуспешности контакта или текущего дискурсивного процесса в целом. (Плотникова, с. 7.)

«Нож в столешнице» -- рассказ, в который образ адресата включается по иному принципу. Отправной точки для рассказа, как в предыдущем случае, нет. Началом служат слова «Мама рассказывала...». Далее идут собственно воспоминания. В данном случае у нас создаётся коммуникативная ситуация дружеской беседы, где рассказчик использует апелляцию к источнику своих слов, которая реализуется и далее в рамках

этого текста в виде вставных конструкция («так говорила мама»). Образ адресата в данном случае подразумевается, и в малой прозаической форме это ощущается лучше всего, т.к. весь текст предстаёт как диалогическая реплика, после (и перед) которой подразумевается реплика адресата. Также нельзя не обратить внимания на явную экспликацию личностных позиций рассказчика, которые выражаются через богатое использование личного местоимения «я» и его форм («Но не верить маме, не единожды рассказывавшей **мне** эту историю, **я** не могу.»), и притяжательных местоимений («...потеряв силы в борьбе с **моими** капризами, мама...»). Благодаря этому фигура рассказчика соотносится с личностью автора, что опять же заставляет читателя ощущать себя как полноценного участника дружеской беседы.

В творчестве К.В. Скворцова можно найти иной пример явной экспликации образа адресата. Так в рассказе «Задача на сообразительность» можно обнаружить высказывания, обращённые к читателю: «Пока **вы** **бьётесь** над вопросом, сколько мне было лет, расскажу смешную историю». Автор вступает с читателем в своеобразную игру, где задаёт задачу, структурно похожую на школьные логические задачи («Я был в семь раз старше моего младшего брата Владимира и в два раза младше моей старшей сестры Галины»). Эта игра не заканчивается на представленном примере. В конце рассказа можно увидеть, что автор не теряет контакт с адресатом и отвечает на поставленный вопрос: «А ответ у задачи таков: брату моему был год, сестре – четырнадцать, а мне – семь».

Интересный диалогический приём используется Скворцовым в рассказе «Мой вклад п победу»: в самом начале используется оценочное выражение «Удивительное дело», которое может быть непосредственно авторской оценкой собственных воспоминаний, при этом может трактоваться как предвосхищение читательской реакции на последующую информацию. Расширяя контекст, можно увидеть и прецедентность, которую автор использует для налаживания своеобразного «контакта» с адресатом:

«...память о войне пронизана голосом Левитана. «От советского информбюро...». Конечно, и сама тематика конкретного рассказа прецедентна: события Великой Отечественной войны знакомы любому носителю национальной культуры, как и голос Левитана.

Обратим внимание на категорию прецедентности, которую обязан воспринять адресат. Так, в рассказе «Первый концерт» читаем: «Оказывается, что за стихи не только глядят по головке...», очевидно, здесь скрыта отсылка к истории русской поэзии, в особенности XX века. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что автор представляет себе достаточно конкретный образ читателя, который сможет интерпретировать все подготовленные смыслы.

Далее можно увидеть лингвистическую игру, которая, как и описанные ранее примеры, рассчитана на достаточно «зрелого» читателя. Отметим, что некоторые рассказы контекстуально связаны между собой, и содержат ссылки на предыдущее повествование. В рассказе «На сцене» можно найти следующий пример языковой игры (приведём расширенный цитируемый контекст): «Бабушка сшила мне из коричневой байки костюм медведя, похожий на комбинезон водолаза, с тем отличием, что мой был с ушами. С «перевалочкой» проблем не было, так как ботинки мои были мне маловаты. Медведем я себя чувствовал реальным (система Станиславского!), но вот мёд и шишка! Круглое полешко, на котором было начертано «мёд», на самом деле было только деревом. А шишка, которую нельзя было ни грызть, ни есть – зачем детям такой подарок? Мои тряпичные уши горели со стыда. Художник Николай Иванович Омельченко, которому я пожаловался на свою судьбу, дописал на полешке слово «липовый» и заверил меня, что так будет правильно. В слово «липовый» он вкладывал свой тайный смысл, о котором я тогда не догадывался». Языковая игра заключена в каламбуре: липовый – в значении «из липы», и липовый – в значении «ложный». Воспринять эту игру способен, во-первых, читатель достаточно взрослый и опытный, во-вторых, представитель родственной автору языковой культуры.

Перечисленные примеры проявления диалогичности выражаются через конкретные языковые средства. Л.Р. Дускаева и Н. Л. Романова отмечают, что диалогичность выражается посредством следующих маркеров, основанных на языковых уровнях:

Лексические: слова со значением сомнения, оценки; обращения к читателю; глаголы речи, мысли и чувства; слова, оформляющие чужую речь; стилистически окрашенная лексика; модальные слова, из которых обнаружены следующие: слова со значением сомнения, оценки (*Казалось*, *скажи мы хоть слово, и оно столкнёт*; – *Главное*, – *повторял он*, – *не смотри вниз*; *Но оказалось*, этого недостаточно, чтобы стать мужчиной); слова, оформляющие чужую речь (*Главное*, – *повторял он*, – *не смотри вниз*). Отметим также, что диалогическим средством можно считать географические названия, используемые в тексте (*Ай*, *Веселовка*, *Плотинка*, *Семибратка*, *Уреньга* и др.), которые рассчитаны на «читателя-земляка» и придают историям достоверность. Помимо этого, автор использует и фразеологические единицы (*Половить рыбу около этих «летучих голландцев» можно было только мечтать*).

Морфологические: местоимения и глаголы в 1, 2 лице, в ед. и мн. ч. (*Я* решился; *Стойка* над пропастью – это *моё* рабочее состояние); противительные союзы (**Но** *оказалось*, этого недостаточно...).

Синтаксические: конструкции, свойственные устной диалогической речи (*Он*) спокойно положил ладони на самый обрез скалы *и... сделал стойку*; В первые дни мы проходили по три метра, *через неделю – по пять...*); вводные слова и вставные конструкции, формирующие порядок и стиль изложения (*Постояв с минуту (нам это показалось вечностью)* над пропастью, он...; *Спутником моих детских походов, точнее сказать походов, был одноклассник...*).

На основе представленных примеров можно сделать вывод, что основой для построения диалогического повествования служит образ читателя. Автор наделяет этот образ предполагаемыми культурными

характеристиками, необходимыми для понимания не только текста в целом, но и исторического, географического и культурного контекста. Активно используются такие средства устной диалогической речи как эллипсис и фигура умолчания, которые создают общую атмосферу диалога. Также этой атмосфере взаимного понимания служат используемые географические номинации, знание этих объектов необходимо для погружения в текст и понимания условий событий. Активно используются выразительные средства типа каламбура, намеренной тавтологии, возникающие обычно в диалоге ситуативно. Всё перечисленное позволяет вторичной письменной речи восприниматься на уровне первичной устной, т.е. диалогической речи. Также используемые средства позволяют не столько преодолеть коммуникативные барьеры с потенциальным читателем, сколько выйти на более тесный уровень контакта со «своими» в культурно-прецедентном плане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что особенностью диалогичности современного текста является имитация диалога. Для диалога проецируется необходимая фигура адресанта, при том такая, для которой информация, содержащаяся в тексте, обязательно окажется прецедентной.

Этому способствует применение автором диалогических средств, которые зафиксированы нами при анализе текста:

- 1) проявление категории субъектности, выражающей творческое начало в разных видах деятельности (включая речевую);
- 2) основная текстообразующая категория, формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы построения текста;
- 3) художественная категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения;
- 4) образ творца, создателя художественного текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности. [Болотнова, 166].

Грамматические средства создания диалога представлены разноуровневыми

Лексические: слова со значением сомнения, оценки; обращения к читателю; глаголы речи, мысли и чувства; слова, оформляющие чужую речь; стилистически окрашенная лексика; модальные слова, из которых обнаружены следующие: слова со значением сомнения, оценки (*Казалось*, скажи мы хоть слово, и оно столкнёт; – *Главное*, – повторял он, – не смотри вниз; Но *оказалось*, этого недостаточно, чтобы стать мужчиной); слова, оформляющие чужую речь (*Главное*, – *повторял он*, – не смотри вниз). Отметим также, что диалогическим средством можно считать географические названия, используемые в тексте (*Ай*, *Веселовка*, *Плотинка*, *Семибратка*, *Уреньга* и др.), которые рассчитаны на «читателя-земляка» и придают историям достоверность. Помимо этого, автор использует и

фразеологические единицы (Половить рыбу около этих *«летучих голландцев»* можно было только мечтать).

Морфологические: местоимения и глаголы в 1, 2 лице, в ед. и мн. ч. (*Я* решился; *Стойка* над пропастью – это *моё* рабочее состояние); противительные союзы (**Но** оказалось, этого недостаточно...).

Синтаксические: конструкции, свойственные устной диалогической речи (*Он*) спокойно положил ладони на самый обрез скалы *и... сделал стойку*; В первые дни мы проходили по три метра, *через неделю – по пять...*); вводные слова и вставные конструкции, формирующие порядок и стиль изложения (*Постояв с минуту (нам это показалось вечностью)* над пропастью, он...; *Спутником моих детских походов, точнее сказать походовений, был одноклассник...*).